

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР АКТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВИЗАНТИНОВЕДЧЕСКИХ КОНГРЕССОВ

В буржуазной исторической науке византиноведение всегда занимало особое место. Без преувеличения можно сказать, что нет ни одной исторической дисциплины, которая так открыто использовалась бы буржуазией для „теоретического“ обоснования ее политических целей. Так, во Франции византиноведы, начиная еще с XVII в., усиленно занимались пропагандой колониальной экспансии Франции в Африке и на Ближнем Востоке. Четвертый крестовый поход и основанная „крестоносными болванами“ (Маркс) Латинская империя, в которой видную роль играли представители знатных феодальных родов Франции, со времени Дюканжа (1610—1688) не сходят со страниц многочисленных монографий и журнальных статей. Уже этот автор глоссариев греческого и латинского языков средневековья издал сочинение Виллардуэна о завоевании Константинополя франками и венецианцами. Основная идея этого сочинения заключалась в оправдании захватов французских крестоносцев в Византии. Через несколько лет тот же Дюканж написал „Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français“ — труд, положивший в известном смысле начало „историческому обоснованию“ колониальных притязаний французской буржуазии на Ближнем Востоке. При этом характерно, что уже здесь господство „латинян“ на Балканском полуострове изображалось благотельным для славянского населения. Таким образом, создавались „идейные предпосылки“ для последующих измышлений буржуазных ученых о неспособности славян к самостоятельной политической жизни, о том, что славяне якобы получали „культурные навыки“ от западных завоевателей — носителей „цивилизации“.

Современное реакционное буржуазное византиноведение, возглавляемое врагом Страны социализма и стран народной демократии — Грегуаром, открыто поставило себя на службу англо-американскому агрессивному блоку.

Время от времени буржуазные византинисты собираются на свои международные конгрессы, в списках участников которых на первом месте можно видеть дипломатов, представителей Ватикана, кардиналов, епископов католической церкви, английских, французских и немецких графов и баронов, наконец, американских миллиардеров, бросающих щедрые подачки на расходы по созыву и проведению конгрессов и на издание их актов. При UNESCO Организации объединенных наций, которая по сути дела „является теперь не столько всемирной организацией, сколько организацией для американцев, действующей на потребу американским агрессорам“¹, существует международная комиссия по изучению Византии — факт, подчеркивающий подлинный характер современного византиноведения в США и в Западной Европе, где на американские доллары создаются византиноведческие институты, издаются специальные журналы, в том числе „Byzantion“ (во главе которого стоит упоминавшийся выше Грегуар). Вся эта „деятельность“ ничего общего не имеет с наукой: византиноведение на Западе представляет одно из средств пропаганды американских империалистов.

¹ И. В. Сталин. Беседа с корреспондентом „Правды“, Госполитиздат, 1951, стр. 11—12.

Нашей задачей в настоящем обзоре является осветить работу двух последних „международных“ конгрессов византинистов.

* * *

Незадолго до второй мировой войны в столице фашистской Италии собрался пятый „международный“ конгресс византинистов. Реакционная политическая направленность буржуазного византиноведения Запада ярко иллюстрируется как составом участников конгресса, так и всем ходом его работы. „Высоким патроном“ конгресса считался король Италии и „император Эфиопии“ Виктор-Эммануил III, председателем конгресса — министр просвещения фашистского правительства. На открытии конгресса присутствовал дипломатический корпус, представители фашистского сената и фашистского парламента. Концерты средневековой византийской музыки, приемы в Ватикане, приветствия членов фашистского правительства, пожелания участников конгресса о превращении столицы „новой Италии“ в международный центр византийских исследований — все это ярко показывает реакционное политическое лицо конгресса. Впрочем, внешнему „блеску“ конгресса ни в какой степени не соответствуют научные достижения буржуазных византинистов, итоги которых должны были быть отражены в многочисленных докладах, прочитанных участниками конгресса.

В первой части актов конгресса помещено 40 докладов по разделу истории, 35 — по филологии, 16 — по праву; во второй части напечатано 60 отчетов о докладах по археологии и истории византийского искусства, 14 — по вопросам литургии и музыки и хроника конгресса¹. Среди этого обширного материала читатель напрасно стал бы искать итогов исследований, посвященных центральным проблемам социально-экономической, политической и культурной истории Византии. В подавляющем большинстве напечатанные в этих объемистых томах отчеты представляют собой сообщения о трудах, посвященных мелочным, второстепенным вопросам византийской истории. Изучение социально-экономической истории Византии, классовой борьбы народных масс, общественно-политической идеологии угнетенных классов — все эти важнейшие проблемы, исследование которых стоит в центре внимания советских византинистов, остаются почти совершенно вне поля зрения современных реакционных византинистов Западной Европы и США.

Из докладов, посвященных изучению различных вопросов общественно-экономического строя Византии, можно лишь отметить доклады Р. Кантарелла, венгерского буржуазного византиниста Е. Дарко, Де-Доминичис, Н. Йорга, В. Мошина, Ж. Руйяр (отметим, впрочем, что авторы и этих докладов занимаются главным образом источниковедческим анализом актового материала).

Доклад Р. Кантарелла² дает описание и характеристику актов, содержащихся в рукописи № 105 библиотеки Мессинского университета и издаваемых в *Archivio Storico Siciliano*. Эти акты относятся к первой половине XIV в. и имеют известное значение для изучения средневековой Италии, особенно — монастырского землевладения этого периода.

¹ Atti del V Congresso internazionale di studi bizantini. Roma 20—26 settembre 1936. Studi bizantini e neoellenici, volume quinto. I. Storia — filologia — diritto, p. 740, Roma, 1939. II. Archeologia et storia dell'arte — Liturgia e musica — Chronaca del congresso, p. 618, Roma, 1940.

² R. Cantarella. Nuovi documenti greci sui monasteri greci di Sicilia nel secolo XIV. Atti del V congresso, I, p. 70—78.

Однако автор оставляет в стороне исследование этой проблемы. Он переносит центр тяжести на вопрос о культурной роли монастырей, считая их центрами греческой культуры в Италии, средоточием зародышей гуманизма и „возрождения“. Вывод о „цивилизаторской“ роли итальянских монастырей совершенно не соответствует действительности. Советская историческая наука разоблачила реакционную роль католической церкви, которая являлась „наивысшим обобщением и санкцией... феодального строя“¹ и которая на всем протяжении своей истории, душила зачатки новой культуры. Автора занимают главным образом мельчайшие детали в организации монастырского управления, детали, касающиеся функций руководителей монастырей, мелкие хронологические подробности. Поэтому собранный им большой документальный материал остается по существу неразработанным и нуждается в серьезном пересмотре и исследовании.

В небольшой заметке венгерского византиста Е. Дарко о „милитаризации“ Византийской империи² сделана попытка пересмотреть вопрос о характере фемного устройства. Корни фемного устройства автор ищет еще в эллинистическую эпоху, в военной организации, созданной в империи Александра Македонского, и далее — в административных реформах, проведенных в Западной Римской империи при Диоклетиане и Константине. Уже в эдикте императора Септимия Севера Дарко усматривает начало порядка, при котором командирам и воинам пограничных областей (*limitanei ducibus et militibus*) предоставлялись земельные участки, — он видит в них зародыш стратиотских участков Византии. Автор считает, что этот порядок продолжал существовать до конца Западной Римской империи и дожил до ранневизантийского периода. В „доказательство“ этого тезиса Дарко ссылается на одну новеллу Феодосия, по которой категорически запрещалось приобретать такие воинские участки³, отчуждать, закладывать, вообще превращать их в предмет гражданского частного права. Не говоря уже о недостаточности такого рода „доказательства“, необходимо подчеркнуть, что все изучение фемного устройства и связанной с ним системы стратиотских участков ведется Дарко на неправильной методологической основе. Его ошибкой является параллельный анализ несопоставимых социальных категорий Западной Римской империи II—III вв. н. э. и Византийской империи VII—IX вв. Как и большинство буржуазных византистов, Дарко не учитывает глубоких изменений, происшедших в социальном строе Византийской империи в результате вторжений славян и народных движений VI—VII вв., заставлявших императоров перестраивать областную администрацию в сторону большей централизации власти в руках областных правителей. Пренебрежение исследованием этих явлений приводит Дарко к повторению глубоко ошибочного вывода буржуазных историков, приписывавших все благодеяния фемного строя преобразовательной деятельности „великого“ императора Ираклия. Наконец, основную причину организации фемного строя Дарко ошибочно ищет не во внутренних условиях феодализирующейся империи, а во внешних условиях существования Византии — в необходимости усилить оборону империи в сложной обстановке военных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

² E. Dalko. La militarizzazione dell'Impero bizantino. Atti del V congresso, I, p. 88—99.

³ *Leges novellae ad Theodosium pertinentes*, ed. Meyer, Berolini, 1905, nov. XXIV, p. 61—63.

столкновений VII—IX вв.: эта точка зрения является следствием порочной методологии исследования данного вопроса в трудах буржуазных историков.

Доклады В. Мошина¹ и Ж. Руйяр² были посвящены описанию некоторых рукописных собраний афонских монастырей. Полный текст сообщения В. Мошина уже появлялся в печати на русском языке³. Французская византистка Ж. Руйяр, много работавшая над изданием актов Лавры, сделала на конгрессе сообщение о выходе в свет первого тома собрания этих актов, охватывающего период до 1204 г., т. е. до латинского завоевания, а также о подготовляемом ею в сотрудничестве с П. Коллом издании второго тома, в котором будут собраны акты эпохи Палеологов (1261—1453).

Румынский историк Н. Йорга в своем докладе⁴ указал, что история Византии у большинства историков ограничивается историей ее столицы, в то время как жизнь провинциальных центров обычно остается вне внимания исследователей. Н. Йорга сделал в своем докладе попытку определить круг задач, стоящих перед историками в изучении жизни многочисленных городов империи. Однако, как и остальные труды Йорги, эта работа очень поверхностна, отличается скороспелыми выводами, не основанными на глубоком изучении источников. В его докладе чувствуется влияние французской школы византистов, особенно Ш. Диля, учеником которого считал себя Йорга.

К докладу Н. Йорги примыкает заметка Де-Доминичис по поводу „regiones suburbicariae“⁵, в которой автор пересматривает данные *Notitia dignitatum et administrationum omnium*, постановления Никейского собора, данные кодекса Феодосия и других источников для определения характера управления пригородными районами городов в поздне-римское и ранневизантийское время.

Из докладов, затрагивающих вопросы внутривизантийской истории Византии, отметим доклад греческого историка М. Дендиаса, который представил конгрессу итоги своей работы о государственном устройстве Византии, преимущественно в X в.⁶ Эта работа состоит из двух частей: в первой рассматривается вопрос о роли императора в организации исполнительной власти в Византии X в., вторая посвящена изучению вопроса о государственных чиновниках и их юридическом положении (преимущественно в X в.). Тема работы Дендиаса, несомненно, представляет большой интерес. Изучение внутренней истории Византии в период правления Македонской династии (867—1056), когда отчетливо выявляются основные линии развития византийского феодализма, имеет первостепенное значение для понимания своеобразия византийского феодализма. Изучение внутренней политики императоров Македонской династии важно еще и потому, что буржуазные византилисты

¹ V. Mošin. Quelques chrysobulles grecs rédigés dans les monastères slaves de l'Athos. Atti..., p. 225—226.

² G. Rouillard. Les actes de Lavra à l'époque des Paléologues. Ibid., p. 300—310.

³ В. Мошин. К вопросу о составлении хрисовулов у южных славян и в Византии. Юбилейный сборник Русского археологического общества в Югославии, Белград, 1936, стр. 93—109.

⁴ N. Iorga. La vie de province dans l'Empire byzantin. Atti... p. 188—207. Ср. „Revue historique du sud-est européen“, v. XIV, 1937, p. 1—25.

⁵ De Dominicis. Les „regiones suburbicariae“ nell'ordinamento del basso Impero. Atti..., p. 110—121.

⁶ M. Dendias. Etudes sur le gouvernement et l'administration à Byzance. Atti..., p. 122—145.

Запада и дореволюционные русские византилисты, особенно В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский, идеализировали их аграрную политику, изображая ее как „меры в защиту мелкого крестьянского землевладения“, как заботу о „меньшей братии“. Только советские византисты (М. В. Левченко, З. В. Удальцова, А. П. Каждан и др.) разоблачили эту антинаучную теорию, показав, что аграрная политика императоров Македонской династии определялась интересами господствующего класса.

Однако работа, предпринятая Дендиасом, велась им в отрыве от изучения общественно-экономического строя и классовой борьбы в Византии в правление Македонской династии. Эти вопросы, без решения которых невозможно прийти к правильным выводам, остаются в работе Дендиаса нерассмотренными, — в этом ярко сказывается пренебрежение к социально-экономической проблематике и изучению классовой борьбы, являющееся одним из основных пороков буржуазной историографии. Поэтому работа Дендиаса по существу представляет крайне поверхностное исследование форм государственного устройства, взятых вне их связи с теми социальными силами, интересам которых служило византийское государство. Известно, что Македонская династия, подавившая народные движения, в том числе широкое антифеодальное движение павликиан, своей законодательной деятельностью стремилась закрепить восстанавливаемые ею порядки, господствовавшие в Византии до начала иконоборчества. Императоры этой династии восстановили реакционное юстиниановское законодательство, издали Прохирон, в котором были объединены выдержки из *Corpus juris civilis*, составили новое руководство обычного права — Эпанакору (886). По приказанию Льва VI были составлены Василики — компиляция и сводка юридических работ, изданных в правление Юстиниана. В 1045 г. при Константине Мономахе была основана константинопольская юридическая школа: ее задачей являлась подготовка юристов и чиновников, которые должны были проводить в жизнь реакционную политику императоров Македонской династии. Но социальный смысл внутренней политики Македонской династии не интересуется Дендиас.

Рассуждения Дендиаса в первой части его работы посвящены вопросу о роли императора, о его взаимоотношениях с сенатом, как органом, ограничивающим власть императора. Сенат, являвшийся собранием высшей военной и гражданской знати, действительно играл большую роль при Македонской династии. Но причин усиления роли сената автор не мог объяснить, так как прошел мимо такого решающего фактора во внутренней истории Византии этого периода, как возвышение земельной феодальной аристократии, начинающей занимать все более видное место при византийском дворе.

Вторая часть работы Дендиаса посвящена анализу деятельности византийских высших чиновников, причем изучение самой чиновничьей иерархии ведется автором главным образом на основе данных „Клиторологии“ Филофея: последние неоднократно привлекались к исследованиям, — автор лишь сводит воедино выводы, добытые его многочисленными предшественниками, интересовавшимися этим вопросом.

В целом исследование Дендиаса, построенное исключительно на формально-юридическом толковании привлекаемых им источников, лишний раз подтверждает полную неспособность буржуазной науки осмыслить действительно крупные проблемы византийской истории.

В ряде докладов на конгрессе трактовались вопросы византийской внешней политики. Из них некоторый интерес представляет доклад польского историка И. Свенцицкого о мирных договорах Руси и Болгарии с Византией¹. Вслед за болгарскими историками (Д. Ангелов, А. Бурмов и др.) Свенцицкий опровергает традиционное представление о том, что первый договор Болгарии с Византией был заключен Аспарухом в 679 г. Как известно, 679 г. долго считался начальной датой истории Первого Болгарского царства. Автор убедительно показывает, что первый договор Болгарии с Византией был заключен в 634 г. болгарским ханом Кувратом. Этот вывод позволяет говорить о более раннем происхождении болгарского государства, чем это было принято считать до сих пор. Сообщения Свенцицкого о внешних сношениях Руси и Византии не содержат каких-либо новых сведений по этому вопросу.

Истории грузино-византийских отношений был посвящен доклад Беридзе². В докладе Беридзе проводится обычная для буржуазных историков антинаучная теория, согласно которой византийская культура будто бы являлась единственным источником культуры грузинского народа, — теория, отрицающая самобытный характер древней грузинской культуры; как известно, на самом деле последняя не только не уступала, но во многих отношениях и превосходила культуру Византии. Но Беридзе нет дела до исторических фактов. Прокопий и Пселл, по его мнению, — обычные образцы для грузинских историков; Антоний Чкондикели в начале XIII в. составил воинский устав, лишь переделав византийский оригинал. Даже замечательный эпос грузинского народа „Витязь в тигровой шкуре“ Шота Руставели представляется космополиту Беридзе лишь перепевом византийских сюжетов. Грузинские и армянские историки в советское время разоблачили в своих трудах антинаучную теорию византийского влияния, как фактора, оказавшего явное решающее воздействие на развитие культуры народов Закавказья. Грузинский народ, как и другие народы братских советских союзных республик, переживает полосу подлинного расцвета своей культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Реакционные утверждения белоэмигрантов типа Беридзе об „определяющей“ роли византийской культуры в формировании грузинской, армянской и других культур народов СССР являются антинаучными, космополитическими бреднями, не имеющими ничего общего с подлинной историей культуры народов.

Антинаучные взгляды Да Коста Луйе³ (ее статья уже печаталась в „Byzantion“), встретившие одобрение Грегуара, получили достойный отпор в работе советской исследовательницы Е. Э. Липшиц⁴, убедительно показавшей значение выводов акад. В. Г. Васильевского в вопросе о взаимоотношениях Руси и Византии в IX в. и подкрепившей эти выводы новыми данными источников. Е. Э. Липшиц, длительное время изучавшая историю византийской культуры IX в., сопоставив стихотворные произведения Игнатия с другими источниками, установила связь Игнатия с Иоанном Грамматиком; она показала также ошибочность взгляда

¹ I. Swienickij, Die Friedensverträge der Bulgaren und der Russen mit Byzanz. Atti..., p. 322—326.

² Ch. Beridze, Byzance et le Caucase, Atti..., p. 11—24.

³ G. Da Costa Louillet, Y eut-il des invasions russes dans l'Empire byzantine avant 860? Atti..., p. 85.

⁴ Е. Э. Липшиц О походе Руси на Византию ранее 842 г. „Исторические записки“, т. 26, 1948, стр. 312—331.

Да Коста Луйе, которая пыталась отнести житие Георгия Амастридского к числу переработок Симеона Метафраста. На сессии Отделения истории и философии АН СССР в 1946 г. академик Б. Д. Греков отметил, что работа Ж. Да Коста Луйе наглядно показывает антинаучную сущность современного буржуазного византиноведения, недостаточно углубленно изучающего источники, подходящего к источникам с предвзято „норманистской“ точки зрения, и указал, что большой заслугой советской ученой Е. Э. Липшиц является то, что она опровергла антинаучные выводы ученицы Грегуара — Ж. Да Коста Луйе.

Работа Канара, профессора Алжирского университета, доложенная им на конгрессе¹, посвящена анализу двух неизданных документов, относящихся к Варде Склиру и извлеченных автором из четырнадцатитомного руководства для правительственных канцелярий, составленного главным секретарем канцелярии мамлюков Калкашанди, жившим в XIV—XV вв. Руководство Калкашанди было издано лишь в 1918 г., вследствие чего оно не могло быть привлечено к исследованию историками, изучавшими время Василия II Болгаробойцы — Розеном и Шлюмберже, как и арабистом Амедрога. Канар дает переводы документов, расширяющих наши представления о связях Варды Склира с мусульманскими правителями Багдада. Первый из этих документов — договор, заключенный в 986 г. между Вардой Склиром, который в документе называется императором Рума, с Шамшамом-ад-Даула, представителем аббасидского халифа в Багдаде Аль-Тай-Лила. Второй документ представляет собой письмо к Варде Склиру, отправленное военачальником Аббасидов Абуль-Фаварис-аль-Турки-аль-Муизи. Оба документа содержат некоторые новые сведения об условиях, на которых Варда Склир рассчитывал получить помощь от аббасидского халифата, в том числе за счет уступки части территории Византийской империи.

Остальной материал докладов конгресса, изложенный в историческом разделе „Актів V конгресса“, не заслуживает специального рассмотрения. Это — незначительные сообщения на второстепенные темы, как, например, о свадьбе дочери деспота Фомы Палеолога с итальянским вельможей Караччиоло (W. Ensslin, p. 166—175), о том, был ли город Исса разрушен готами (G. Novak, p. 239—251), о развитии императорской идеи в свете византийского церемониала коронации (G. Ostrogorsky, p. 299), о дате собора в Аквиле (I. Zeiller, p. 327—332) и т. п.

Давая общую оценку исторического раздела актов V конгресса, нужно прежде всего отметить, что в напечатанных в нем докладах не поставлено ни одной крупной проблемы византийской истории. Даже в тех работах, где привлекались заслуживающие внимания источники, позволяющие характеризовать различные стороны социально-экономической жизни того или иного периода, — эти источники не делались основой для обобщающих выводов, которые бы проливали новый свет на то или иное явление общественно-экономического развития Византии.

Еще в большей степени сказанное относится к разделу филологии. Из 35 докладов, помещенных в этом отделе, заслуживают некоторого внимания лишь доклады о Георгии Схоларии, как философе², и о „гу-манизме“ Иоанна Итала³.

¹ M. Canard. Deux documents arabes sur Bardas Skleros. Atti..., p. 55—69.

² M. Jugie. Georges Scholarios, professeur de philosophie, Ibid., p. 482—494.

³ I. Dujszev L'Umanesimo di Giovanni Italo. Ibid., p. 432—436.

Весь остальной материал состоит из мелочных заметок формально-филологического характера, посвященных анализу морфологии, лексики, иноязычных элементов у того или иного автора, топонимике у тех или иных византийских писателей и т. д.

Большинство статей в отделе права посвящено анализу отдельных элементов церковного, канонического права, постановлений различных вселенских соборов, дисциплинарных уставов византийских монастырей. В статье Германа о развитии в Византии дарений в пользу церквей и монастырей¹ автор приходит к выводу, что с течением времени императорская власть превращала добровольные пожертвования в налоги, взимаемые в пользу церквей и монастырей в принудительном порядке и поступавшие в распоряжение соответствующих церковных округов, при чем императоры строго регламентировали порядок расходования фонда, образуемого из взносов этого налога, известного под именем каноникон.

Французский историк П. Коллинэ в своей статье о политике Юстиниана I по отношению к колонам² поставил перед собой задачу опровергнуть вывод Фюстель де Куланжа о том, что Юстиниан проводил суровую политику по отношению к колонам, приравнивая их к рабам, сближая социально-правовое положение колонов с положением рабов³. По мнению Коллинэ, точка зрения Ф. де Куланжа господствует в исторической науке потому, что историки, занимавшиеся этим вопросом, не дифференцировали отношения Юстиниана к адскрипциям, с одной стороны, и к колонам — с другой, не сопоставляли различий в правовом положении этих категорий зависимых людей по юстиниановскому законодательству. К адскрипциям, говорит Коллинэ, Юстиниан, действительно, относился крайне сурово. Но как объясняет французский историк мотивы подобного отношения? Юстиниан, заявляет он, защищал колонов высших разрядов (*coloni inquilini*) от последствий дурного законодательства, не испытывая никакого сожаления по отношению к адскрипциям. Это чувство, продолжает автор, станет понятным, если мы обратим внимание на происхождение адскриптиев⁴. Это — мелкие земледельцы, которые коммендируются крупным землевладельцам, теряют свободу, которые, по словам Сальвиана, являются „рассудительными, расчетливыми людьми, приобретают владения у знатных, скрываясь там, как в убежище“. Такие люди, утверждает Коллинэ, даже если они спасались от преследований со стороны *exactores*, могли вызывать у Юстиниана лишь презрение. Борьба с увеличением числа адскриптиев, защита „настоящих колонов“, борьба против знати — таковы, по мнению Коллинэ, основные линии внутренней политики Юстиниана.

На самом деле нет ничего более ошибочного, чем эта оценка характера законодательства Юстиниана. Впрочем взгляды Коллинэ на Юстиниана не являются каким-либо исключением в буржуазной историографии: большинство буржуазных историков, следуя выводам Дия, наиболее видного апологета Юстиниана, видят в нем самодержца,

¹ E. S. J. Herman. Zum kirchlichen Beneficialwesen im byzantinischen Recht. Atti..., p. 657—671.

² P. Collinet. La politique de Justinien à l'égard des colons. Atti..., p. 600—611.

³ F. de Coulanges. Recherches sur quelques problèmes d'histoire, 3-ème ed., Paris, 1913, p. 1—186.

⁴ P. Collinet. La politique de Justinien à l'égard des colons, p. 605—606.

боровшегося за крепкую монархическую власть вообще, за устои христианской религии, освящавшей эту власть, и т. д. и т. п. Для историка-марксиста Юстиниан — „душитель революционного движения угнетенных масс“, а его правление — время „кратковременного торжества рабовладельческой реакции“, „последняя отчаянная попытка рабовладельческого мира взять реванш и подавить революционное движение народных масс“¹. Юстиниан был беспощадным душителем народных движений, в которых наряду с рабами принимали участие и колонны.

Из правового отдела актов V конгресса заслуживает быть отмеченным еще доклад румынского историка Корои². Эта работа отличается обстоятельностью: на 5—10 строк текста каждой из 33 страниц статьи приходится вся остальная страница, заполненная сносками на издания папирусов, других источников и на обширную литературу. Основными источниками автора являлись два папируса, № 472 и 486, изданные в 1903 г. в Лондоне в III части „*The Oxyrhynchus Papyri*“.

На основании этих и других источников автор изучает деятельность постоянных провинциальных судов, возникших после исчезновения основанных по реформе Диоклетиана *conventus*. Исследование ведется автором путем анализа частного процесса о праве собственности. Этот анализ позволяет ему установить ряд новых деталей в вопросах о порядке гражданского судопроизводства, о судоустройстве городских *dikastiria ordinaria* и *extraordinaria*, о деятельности судейских чиновников — *juridici* и *archidicasti*, о функциях областных судов. Исследование Корои устанавливает некоторые новые подробности, касающиеся правового положения рабов в гражданском процессе.

На конгрессе было сделано сообщение профессора Варшавского университета Тадеуша Зелинского о плане подготовки международного издания собрания сочинений писателей греко-римского церковного и гражданского права³.

Шестой том „*Studi bizantini e neoellenici*“ содержит вторую часть актов V международного конгресса.

Эта часть состоит из разделов: 1) Археология и история искусства, 2) Литургика и музыка и 3) Хроника конгресса.

Критический обзор всего материала, содержащегося в этом томе, явится делом специалистов по истории византийского искусства.

Здесь необходимо остановиться на одном любопытном факте, отмеченном в хронике конгресса и иллюстрирующем одичание нравов в расхваливаемом буржуазным учеными мире так называемой „западной культуры“. Пятый византиноведческий конгресс принял специальное постановление, направленное против подделывателей предметов древнего искусства, которые занимаются подделками с целью продажи своих „произведений“ музеям, и против воров, расхищающих музейные ценности. Надо полагать, что такие кражи являются весьма

¹ З. В. Удалцова. Вступительная статья к книге „Проконий из Кесарии. Война с готами“ (перев. С. П. Кондратьева), М., 1950, стр. 7.

² Т. Н. Корои. *Procès de Sarapion et de Dionysia au temps d'Hadrien*. Atti..., p. 612—645.

³ Th. Zielinski. *Projet de la création d'un „Corpus scriptorum juris graecoromani tam canonici quam civilis“*, Atti..., p. 735—740.

частыми, если для борьбы с ними понадобилось специальное постановление ученого конгресса.

* * *

В 1939 г. в Алжире должен был состояться VI международный конгресс византинистов. Конгрессу предшествовало издание кратких рефератов тех докладов, которые входили в план его работ, — под названием „*Resumés et Communications du VI Congrès international d'études byzantines*“. Вторая мировая война помешала осуществить созыв этого конгресса.

Лишь в 1948 г. состоялись, один за другим, два конгресса — в конце июля 1948 г. — VI конгресс (в Париже) и в начале августа того же года — VII конгресс (в Брюсселе). За отсутствием в нашем распоряжении актов VI конгресса мы можем составить себе самое суммарное представление о его работе лишь по хронике, опубликованной в „*Revue des études byzantines*“¹. Автор хроникальной заметки Лоран не перечисляет докладов, зачитанных на конгрессе, за исключением докладов, сделанных членами *Institut français d'études byzantines* и в основном посвященных церковной истории. Интересно отметить, что на VI конгрессе возник вопрос об организации Международного комитета по изучению Византии при UNESCO Организации объединенных наций. Как мы уже упоминали, такая организация была создана, но в нее вошли лишь представители капиталистических стран. Византинисты СССР и стран народной демократии не вошли в эту организацию, поставившую себя целиком на службу американскому империализму. Таким образом, в области науки ученые маршализованных стран под „руководством“ дипломированных лакеев империалистов США ведут такую же раскольническую линию, как и их господа — американские империалисты — в области мировой политики. Загнивающее буржуазное реакционное византиноведение полностью встало на путь прислужничества американским поджигателям войны, перестало иметь что-либо общее с наукой. Только передовое византиноведение СССР и стран народной демократии, ученые которых знакомятся у советских византинистов с опытом их научно-исследовательской работы, основанной на самом передовом марксистско-ленинском методе исторического исследования, является воплощением дальнейшего прогресса в изучении истории Византии.

Переходим к обзору деятельности VII конгресса византинистов, происходившего, как уже сказано, в 1948 г. в Брюсселе. Акты этого конгресса печатались в XIX томе журнала „*Byzantion*“, вышедшем в свет в 1949 г.

Отметим в первую очередь две работы, относящиеся к вопросам о происхождении и истории первого крестового похода — Хараниса² и английского дипломата-византиниста Рэнсимена³. Автор первой работы выдвигает новую точку зрения в вопросе о причинах первого крестового похода, вернее — его внешнеполитической предистории. Харанис

¹ „*Revue des études byzantines*“, v. VI, 2-ème fascicule. Chronique. I. Les VI et VII Congrès internationaux d'études byzantines, Bucarest, 1948, p. 291—294.

² P. Charanis, *Byzantium, the West and the origin of the first crusade*. „*Byzantion*“, XIX, 1949, p. 17—36.

³ S. Runciman. *The first crusader's journey across the Balkan peninsula*, *ibid.*, p. 207—221.

связывает поворот во внешней политике византийских императоров (в сторону поисков военной помощи на Западе для борьбы против турок-сельджуков) с битвой при Манцикерте 1071 г., закончившейся разгромом византийской армии и захватом Малой Азии турками-сельджуками. Харанис отмечает попытки Византии уже в этом же году получить военную помощь от норманнов: эти попытки он усматривает в переговорах о браке одного из императорских сыновей с дочерью Роберта Гвискара. Далее Харанис рассматривает различные, выдвигавшиеся в историографии теории по вопросу о роли Алексея I Комнина в организации первого крестового похода. В этом историографическом экскурсе Харанис отмечает, что большинство историков присоединилось к точке зрения Ригана, отрицавшего факт обращения Алексея I к Урбану II с просьбой об организации крестового похода. И действительно, совсем недавно Г. А. Острогорский считал большой заслугой Ф. Шаландона установление последним не только отсутствия какого бы то ни было обращения Алексея I к папе, но и полной неожиданности крестового похода для Алексея I¹. Опровержению этого взгляда и посвящена работа Хараниса.

Доказательство правильности своей точки зрения Харанис ищет в непривлекавшемся для изучения истории первого крестового похода источнике — хронике Феодора Скутариота, значение которой уже подчеркивалось венгерским историком Г. Моравчиком². Скутариот подробно останавливается на причинах, побудивших Алексея I искать военной помощи Запада, и дополняет в этом отношении известия западной хроники Бернольда.

Тот факт, что историк царствования Алексея I, его дочь — Анна Комнина умалчивает о переговорах Алексея I с папой Урбаном II, Харанис объясняет ее стремлением умышленно обойти молчанием эти переговоры, чтобы не давать повода к возведению на отца обвинений во вторжении западных крестоносцев, причинивших во время своего прохождения через территорию Византии большие бедствия населению.

Тексты источников не позволяют сомневаться в том, что Алексей I действительно искал помощи Запада, применяя обычное традиционное оружие византийской дипломатии — обещание унии с католической церковью; однако вопрос о времени его обращения на Запад остается спорным. В своей статье Харанис совершенно неверно рисует роль папского престола в организации первого крестового похода. Урбан II в изображении Хараниса представляется идеальным главою церкви, пекущимся об ее интересах, ставящим на службу этим интересам всю свою деятельность, заботящимся лишь о возвращении заблудшей дочери — византийской церкви — в лоно римской церкви.

Историки-марксисты давно разоблачили легенду об „идеальных“ целях папства в крестовых походах, усвоенную буржуазной историографией еще от феодально-католических историков и фальсифицирующую историю этих военно-колониционных предприятий; советские историки показали, что папство в данном случае, как и во всей своей деятельности, лишь выполняло социальный заказ господствующим

¹ G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*, München, 1940, S. 225, n. 2.

² G. Moravcsik, *Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. „Byzantinoturcica“*, I, Budapest, 1942, S. 329 ff.

щего класса западных феодальных государств. Этого не может и не хочет понять буржуазный историк Харанис.

Автор второй работы, относящейся к истории первого крестового похода, — Рэнсимен, указывая на недостаток сведений в византийских источниках, восстанавливает шаг за шагом путь крестоносных ополчений через Балканский полуостров, используя данные западных хронистов — Фульшера Шартрского, Альберта Ахенского, Раймонда Ажильского и анонимного автора хроники *Gesta Francorum*.

В числе докладов, сделанных на VII конгрессе по вопросам внешней политики Византии, следует отметить работы Губера¹, Никерсон² и Острогорского³.

Работа Губера посвящена обзору дипломатических отношений Хосрова II и византийского императора Маврикия. Особенно занимает автора период дружественных взаимоотношений между Византией и Ираном при Маврикии. Губер устанавливает ряд новых хронологических и топографических деталей из истории византино-иранских отношений. Однако следует отметить, что в изучении взаимоотношений Византии и Ирана, как и во многих других разделах истории Византии, приоритет бесспорно принадлежит советскому византиноведению. Достаточно назвать хотя бы монографию члена-корреспондента АН СССР Н. В. Пигулевской „Византия и Иран на рубеже VI—VII веков“, вышедшую в свет в 1946 г., и ее же работу „Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв.“⁴, работу академика Я. А. Манандяна „Маршруты персидских походов императора Ираклия“⁵ и др., коренным образом отличающиеся от сочинений буржуазных историков исключительным вниманием к анализу общественно-экономического строя как Византии, так и Ирана.

М. Никерсон в своей статье, основываясь на недостаточно использованных *Lignages d'Outremer* и других источниках, характеризует обстановку создания в Бейруте сеньории (в результате первого крестового похода), выясняет генеалогию фамилии Бланшбар, описывает время правления в Бейруте ряда представителей этой фамилии до конца XII в. и в заключение излагает историю Бейрута от 1166 до 1205 г.

Острогорский, основываясь на одном акте, изданном в собрании актов Лавры⁶, приводит сообщение о сербском посольстве в Византию в конце X в.; это посольство до сих пор не было известно по другим источникам.

Небольшие сообщения Куртуа⁷, и Гийян⁸ посвящены отдельным вопросам административного устройства Византийской империи. Автор первого из этих сообщений, возражая Бьюри и Штейну, считавшим,

¹ P. Goubert, *Les rapports de Khosrau II, roi des rois sassanides, avec l'empereur Maurice*. „Bizantion“ XIX, 1949, p. 79—111.

² M. E. Nickerson. *The seignury of Beirut in the twelfth century and the Brisebarre family of Beirut-Blanchegarde*, *ibid.*, p. 141—185.

³ G. Ostrogorsky. *Une ambassade serbe auprès de l'empereur Basile II*, *ibid.*, p. 187—194.

⁴ См. „Византийский временник“, т. I, 1947.

⁵ См. „Византийский временник“, т. II, 1949.

⁶ G. Rouillard et P. Collomp. *Actes de Lavra*, v. I, Paris, 1937, № 12.

⁷ Ch. Courtois. *Exconsul. Observations sur l'Histoire du consulat à l'époque byzantine*. „Bizantion“, XIX, 1949, p. 37—38.

⁸ R. Guillard. *Etudes sur l'histoire administrative de l'empire byzantin. Le grand connetable*, *ibid.*, p. 100—111.

что консулат при Юстиниане I был ликвидирован, утверждает, что это звание продолжало существовать и в более поздние времена, во всяком случае, до VII в. Следует, однако, указать, что хотя термины „консул“ и „экс-консул“ встречаются в некоторых актах VI—VII вв., но это звание давно потеряло свое прежнее значение, и неслучайно в фастах Восточно-Римской империи последнее упоминание имени консула (Fl. Anicius Faustus Albinus Basilius Iunior) встречается в 541 г., а в Западно-Римской империи (Fl. Decius Paulinus Iunior) — в 534 г. Краткое сообщение Гийян посвящено характеристике изменений, которые претерпел термин „великий контоставл“ в поздней Византии, когда он получил свое прежнее значение — правителя царских конюшен. Наконец, Шевченко в своем сообщении публикует перевод письма протаскриита Леона Вардалия императору Андронику II от 1337 г., анализ которого дает ему возможность установить некоторые детали судоустройства в поздней Византии. Ценность всех этих сообщений, и без того касающихся очень узких проблем византийского государственного управления, еще более снижается тем, что исследование затрагиваемых в них вопросов ведется в полном отрыве от изучения базы всяких административных реформ — изменений в социально-экономическом строе страны.

Остальной материал, содержащийся в томе, посвященном актам VII конгресса, не заслуживает даже простого перечисления. Это — мелкие заметки, посвященные ничтожным фактам или явлениям, не имеющим никакого значения для изучения истории Византии. Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать сообщения об „историческом“ значении перенесения останков св. Лазаря с Кипра в Византию (Долли), о новой системе чтения надписей на византийских плитах (Мамбури), о неизданном гимне Льва Магистра (Миони), о новой „гипотезе“ происхождения иконостаса (Паче).

Весь том заканчивается двумя библиографическими обзорами. Первый обзор, составленный Дельвуа (р. 315—370), посвящен византийским памятникам в Греции, второй, автором которого является Розенбаум (р. 371—416), носит название „Bericht über Veröffentlichungen zur frühchristlichen und byzantinischen Kunstgeschichte aus dem Jahren 1939—1949 in Deutschland“.

Мы перечислили, за небольшими исключениями, все материалы XIX тома журнала „Byzantion“, в котором печатались акты VII „международного“ конгресса византинистов. Если даже сравнить их с актами V конгресса, которые, как мы видели, свидетельствуют об упадке буржуазного византиноведения, то все же отличие будет весьма разительным. Без всякого преувеличения можно сказать, что на наших глазах происходит дальнейшее вырождение буржуазного византиноведения, как и всей буржуазной исторической науки в целом. Буржуазные ученые стремятся придать византиноведению характер ведущей дисциплины, имеющей первостепенное „международное“ значение. Но эти попытки не могут скрыть внутренней бессодержательности и антинаучного характера их „исследований“. Реакционные буржуазные византинисты безоговорочно поставили свою научную деятельность в услужение американским поджигателям войны. Будущее византиноведения, его подлинный расцвет принадлежит только советской исторической науке, основанной на передовом, единственно научном марксистско-ленинском методе исторического исследования.

Б. Т. Горянов